

**Жизнь в депрессии: психопатологический портрет главного героя пьесы А.П.Чехова «Иванов»**

**Магалиф А. Ю.**

Пьеса "Иванов" была написана А.П. Чеховым в 1887 году в возрасте 27 лет. Это было его первое драматическое произведение, поставленное на сцене и "самое значительное, созданное Чеховым-драматургом в 80-е годы". \* Антон Павлович понимал драму Иванова как драму целого поколения "надломленных, тоскующих", живущих "без веры, без цели", но рвущихся к ним. Чехов писал Суворину: "... Иванов, дворянин, университетский человек, ... натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая... Но едва дожил он до 30-35 лет, как начинает уже чувствовать утомление и скуку... Он ищет причин вне и не находит; начинает искать внутри себя и находит одно только неопределённое чувство вины...". Процесс написания пьесы был необычным: "написана она была совершенно случайно, наспех и сплеча... в сумрачном кабинете корнеевского дома на Кудринской-Садовой..." (в Москве). Чехов вспоминал: "Пьесу я написал нечаянно... Лёг спать, надумал тему и написал. Потрачено на неё ...10 дней..." Антон Павлович почти не выходил из кабинета, а потом и из театра, и к моменту постановки пьесы в театре Корша (через 1,5 месяца после написания) был очень утомлён. Он писал: "Мне кажется, что я весь ноябрь был психопатом". "В голове такое умопомрачение..."; "После пьесы я так утомился, что потерял способность здраво мыслить и дельно говорить". Театр Корша был популярен и Чехова уже хорошо знали как писателя-юмориста, поэтому посмотреть спектакль собралась "самая изысканная московская публика. Театр был переполнен". Разразился скандал: "Публика вскакивала со своих мест, одни аплодировали, другие шумели, галдели, шикали, громко свистали, третьи топтали ногами. Стулья и кресла в партере были сдвинуты..., на галёрке... происходило целое побоище между шикавшими и аплодировавшими...", "Актёры были нервно напряжены..." Даже такие зрители как друзья и брат Чехова, художники И.И. Левитан, Ф.О. Шехтель, Н.Н. Чехов находили, что пьеса на сцене "до того оригинальна, что странно глядеть". На пьесу было написано много резких рецензий известными тогда критиками. Её называли "глубоко безнравственной, нагло-цинической путаницей понятий", "отвратительнейшей стряпнёй". В герое пьесы видели "не героя переживаемого ... времени", а "отъявленного негодяя, которому нет названия", "заведомого мерзавца", "вопиющего мерзавца". Автора много ругали как молодого неопытного драматурга и, в частности, за симпатию к своему герою.

В течение 1888-89 гг. А.П. Чехов изрядно переработал первый вариант пьесы, изменил некоторые монологи и финал /в первом варианте Иванов скорострительно умирает, во втором - "застреливается"/. Однако полемика вокруг пьесы ещё долго продолжалась. По словам поэта А.Н. Плещеева "одни превозносили пьесу до небес, другие страшно ругали". Рецензенты высмеивали "тоску", "уныние" и "усталость" Иванова, а мысли автора называли "неправдоподобными и утрированными". Они упрекали Чехова в том, что не только сам Иванов "не видит тех причин, которые привели его ... к гибели, не видит их и читатель ...". Для нас интересна одна рецензия в "Московских ведомостях", которая в несколько резкой форме даёт причину противоречий в многочисленных оценках пьесы: "Видеть в Иванове изображение какого-то общественного типа, якобы усмотренного и пойманного автором, совершенно не верно, так как Иванов - не новый тип, а субъект психически больной. Он совершенно необъясним, потому что пьеса отдаёт больничною хроникой душевной болезни и в ней чувствуется как бы патологическое исследование в драматической форме".

Итак, кто же такой Иванов: уставший, надорвавшийся, сломленный жизнью человек, бездушный эгоист и циник или непонятый всеми, в том числе и собой, несчастный психиче-

ски больной, долго живущий в глубокой депрессии? Попробуем разобраться. Всю фактическую часть возьмём только из пьесы.

Иванов Николай Алексеевич 35 лет, дворянин, имеет своё поместье, закончил университет. Служит неперменным членом по крестьянским делам присутствия. По характеру всю жизнь был очень активный, "никогда не утомлялся, много работал". Отличался эмоциональностью: "был горяч, говорил так, что трогал до слёз даже невежд, умел плакать, когда видел горе, возмущался, когда встречал зло..., знал, что такое вдохновение", "... от зари до зари сидел за рабочим столом". По-видимому, он был несколько легкомыслен: "... рисковал, деньги... бросал направо и налево...", пользовался успехом у женщин. Будущая жена полюбила его с первого взгляда: "... Он сказал: пойдём... Я отрезала всё ... и пошла...". Таким образом, в преморбидном (доболезненном) периоде отмечается эмоциональная лабильность (неустойчивость) и почти постоянная гипертимия (повышенная активность и настроение). Многолетнее гипертимное состояние является по существу пролонгированной аффективной (эмоциональной) фазой и может закономерно меняться на противоположную, депрессивную фазу. При этом сохраняется тенденция также к длительному течению. Клинические варианты инверсии (перемены) фаз хорошо изучены. Смена аффекта (настроения) может происходить спонтанно и быстро, по типу "заснул здоровым - проснулся больным", спонтанно и замедленно - в течение дней или недель, через эндореактивные (начавшиеся со стрессов, а потом перешедшие в болезнь) состояния, после затяжных соматических недугов, алкогольных интоксикаций, хронического переутомления.

По-видимому, в жизни Иванова начались неудачи. Из-за вышеупомянутого легкомысленного отношения к деньгам или по другой причине, но уже 3 года тому назад у Иванова образовался долг семье Лебедевых в 3 тысячи рублей. Дела стали расстраиваться. Однако в это время психическое состояние Иванова оставалось ещё прежним, что подчёркивает отсутствие прямой связи психогении (психической реакции на стресс) и депрессии. В разговоре со своим врачом жена Иванова Анна сожалеет о том, что врач (Львов) не знал мужа "года два-три тому назад... Какая прелесть! ...", - говорит она о нём. Сам Иванов считает, что "Ещё года нет, как был здоров и силен, был бодр...".

Как правило, возникновение эндогенной депрессии (возникающей по внутренним механизмам) сопровождается поиском внешних причин. Иногда они действительно существуют, понятны самому больному и окружающим и служат пусковым механизмом депрессии. Часто же, как и в данном случае, они отсутствуют и их пытаются придумать. Сначала Иванову кажется, что он "...надорвался. Гимназия, университет, потом хозяйство, школы, проекты...". Затем он понимает, что это не может быть причиной: " Впрочем, быть может, это не то... Не то, не то!". Отвергается им и часто упоминающаяся в таких случаях роль социума. Его друг Лебедев считает, что Иванова "... заела среда". Он резко возражает: "Глупо, Паша, и старо. Иди!". Невозможность обнаружить причину своего угнетённого состояния проецирует её поиск внутрь себя, способствует усилению идей самообвинения, что характерно именно для эндогенной депрессии. Идеи самообвинения проходят красной нитью через все высказывания Иванова: "Вероятно, я очень, очень виноват...", "День и ночь болит моя совесть, я чувствую, что глубоко виноват, но в чём собственно моя вина, не понимаю".

Итак, депрессия Иванова возникла около года тому назад без видимых причин и к концу пьесы продолжается уже почти два года. То есть Иванов длительное время живёт под гнётом хронического душевного расстройства. Какова его структура? На первом месте в клинической картине постоянно подавленное настроение - меланхолический аффект. За всё действие пьесы Иванов произносит около 96 реплик и монологов. Из них 54% окрашены пониженным настроением, а 17 из 19 (89%) монологов по существу просто депрессивны. Внешне Иванов постоянно выглядит подавленным. Боркин: "Посмотрите, на что он похож: меланхолия, сплин, тоска, хандра, грусть...". Жена Анна Петровна: "Ты мне про свою тоску расскажешь... У тебя такие страдальческие глаза!". Депрессивное состояние Иванова сопровождается характерным соматическим (телесным) компонентом, а также типичными расстройствами мышления и воли. Он жалуется: "По целым дням у меня голова болит, бессон-

ница, шум в ушах...", "мысли мои перепутались, душа скована какой-то ленью, и я не в силах понимать себя". Меланхолический аффект (эмоция) сочетается с тоской и депрессивной деперсонализацией (чувство собственной изменённости). О тоске говорится постоянно. По-видимому, её выраженность связана со временем суток. Иванов: "Как только прячется солнце, душу мою начинает давить тоска. Какая тоска! Не спрашивай, отчего это. Я сам не знаю! ... и так всю ночь ... Просто отчаяние! ...". Как известно, безотчетная постоянная тоска - патогномоничный (присущий) признак эндогенной депрессии. Иногда к тоске Иванова присоединяются неопределённая тревога и полное неверие изменений к лучшему в будущем: "... И какая там новая жизнь? Я погиб безвозвратно!". Глубина депрессии подтверждается отсутствием транквилизирующего, эйфоризирующего действия алкоголя: "... Ну где моё спасение?... Пить я не могу - голова болит от вина...". Иванова постоянно мучает чувство собственной изменённости - депрессивная деперсонализация. Преморбидно (доболезненный период) цельная, остро чувствующая натура, он не может смириться со своей полной беспомощностью, безразличием, потерей побуждений. Не видя причины этого, Иванов всё время задаёт вопрос: "Что со мною?". Существенное место в деперсонализационных расстройствах занимает психическая анестезия (эмоциональная тупость, «деревянность»). Она не только парализует чувства Иванова, но и вместе с другими расстройствами меняет его характер. Это тоже мучительно переживается им: "... Я стал раздражителен, вспыльчив, резок, мелочен до того, что не узнаю себя ...".

Психическая анестезия может вызвать аутоагрессию, а может агрессию, направленную вовне, чаще всего на самых близких и потому незащитных людей. Так мать, потерявшая в депрессии чувство к ребёнку, ставшая "деревянной", считает, что не имеет права жить и нередко совершает самоубийство. Иванов, неожиданно и необъяснимо для себя утратив чувства к жене, глубоко переживая это, и одновременно бессознательно поддавшись мнению примитивной части своего окружения, считающей его брак причиной неудач, в приступе тоскливо-злобного аффекта - дисфории оскорбляет жену и больно ранит её, сообщая, что она скоро умрет. Это ещё больше усиливает его идеи самообвинения. Пытаясь избавиться от тоски и собственной изменённости, Иванов действует так же, как многие больные эндогенной депрессией: убегает из дома, пытается найти комфортное место, развеяться. Тщетно! Подобные усилия ничего не дают, а часто приводят к ухудшению состояния: всё остается безразличным, всё и все утомляют и раздражают: "...Здесь тоска, а поедешь к Лебедевым, там ещё хуже". Это способствует депрессивной аутизации, желанию от всех отгородиться. Иванов раздражённо отгоняет от себя людей, просит оставить его одного: "Как вы мне все надоели!". То же самое происходит по существу и с романом с Сашей. Новизна чувств слегка и кратковременно всколыхнула положительные эмоции, показалась Иванову спасательным кругом, который поможет ему выплыть из моря душевных страданий. Однако ангедония (потеря чувства удовольствия) и тоска только усилили его беспомощность, углубили конфликт с собственным "Я" и приблизили трагедию.

Длительное безремиссионное (безостановочное) течение депрессии часто меняет личность больных, создавая даже картину псевдодефицитарности (ложная психическая дефектность). Больные не понимают, что и почему произошло с ними, мечутся в поисках выхода, злоупотребляют алкоголем и наркотиками, заводят романы, тут же бросают возлюбленных, кажутся многим бесчувственными эгоистами, циниками, жалкими, тряпками. Со временем у них действительно меняется характер: в нем появляется постоянная раздражительность, брюзжание, зависть и жестокость к тем, кто нормально ощущает мир. Среди таких людей нередко суициды. В случае возникновения ремиссии (терапевтической или спонтанной остановки болезни) большинство этих черт исчезает.

Не избежал такой участи и Иванов. И у действующих лиц пьесы, и у многих зрителей и критиков было такое же мнение об Иванове. Доктор Львов считает его "Тартюфом, возвышенным мошенником, холодным, бездушным подлецом". Косых говорит о нём: "Жох-мужчина! Пройда, сквозь огонь и воду прошёл...", считает, что Иванов хочет жениться на Саше, чтобы воспользоваться её деньгами. Лебедев передаёт Иванову мнение о нём в уезде:

"Ты и убийца, и кровопийца, и грабитель, и изменник ..." Пожертвовавшая для мужа всем Анна Петровна, не способная понять его состояния, в конце концов тоже обвиняет его в обмане, лжи, бесчестности и коварстве, даже любящая невеста Саша, которой он "... ни разу не улыбнулся, ни разу не взглянул прямо в глаза", уставшая от его бесконечной меланхолии, говорит: "Твоё нытьё переходит в издевательство".

Самоубийство Иванова представляется логичным завершением его болезни. Оно не спонтанно, не истерично, но вполне обдуманно: хотел покончить с собой до приезда на свадьбу, привёз с собой пистолет. Как это и бывает при таких депрессиях, самоубийство является освобождением себя от душевных страданий, близких - от бесплодных попыток понять тебя, а также единственной, как кажется, возможностью реабилитироваться в глазах окружающих.

Таким образом, Иванов, безусловно, страдает эндогенной депрессией с затяжным течением в рамках маниакально-депрессивного психоза. Все его чувства и поступки в основном определяются болезненным состоянием. В связи с этим на протяжении более ста лет пьеса "Иванов" является самым непонятым драматическим произведением А.Н. Чехова и останется таким всегда. Психически здоровый человек никогда не сможет до конца понять страдания душевнобольного, как зрячий и хорошо слышащий не поймёт чувств слепого и глухого. Если человек в повседневной жизни не проявляет явных признаков душевной болезни, то его переживания и действия всегда трактуются окружающими с точки зрения здравого смысла, исходя из собственного опыта и мировоззрения. Происходит так называемая "психологизация" болезни. Все попытки режиссёров и актёров трактовать драму Иванова как социально-личностный конфликт или как трагедию здорового, но не понятого человека могут быть интересны по форме, но всегда будут мотивационно не ясны и отдавать спекулятивностью. Как это ни печально, но Чехов не смог убедить нас в том, что Иванов - жертва психологического конфликта между потребностью, необходимостью и возможностью. Антона Павловича подвёл собственный талант создания во всех произведениях абсолютно точных образов. Написав пьесу на одном дыхании, невольно вжившись в своего героя, симпатизируя ему, Чехов не смог сфальшивить, соединить в одном человеке гетерогенные (чужеродные) черты. Возможно, определённую роль при этом сыграл его личный и врачебный опыт. Однако если бы Чехов был психиатром, он мог бы в угоду понятности пьесы внести некоторые коррективы в анамнез (история жизни и болезни) и статус (настоящее состояние) Иванова, несколько изменив преморбид (особенности личности до болезни), добавив психогении («стрессорности»), уменьшив «эндогенность» и пр. Переделка же пьесы усовершенствовала сценарную форму, но ещё больше усилила и гармонизировала депрессивную болезнь Иванова.